

Борьба съ антихристомъ подъ городомъ Тирасполемъ.

Въ концѣ 1896 и въ началѣ 1897 гг. близъ города Тирасполя Херсонской губерніи, а именно 23 и 27 декабря, а также 11 и 27 февраля въ Терновскихъ плавняхъ мѣщанинъ означеннаго города Ѳедоръ Ковалевъ заживо закопалъ 25 человекъ по ихъ просьбѣ ради спасенія ихъ душъ и избавленія отъ власти антихриста. Въ числѣ закопанныхъ и обреченныхъ, слѣдовательно, на мучительную смерть были: его старуха мать, жена, двое его малолѣтнихъ дѣтей, двое братьевъ и двѣ сестры. Какъ лишенные имъ жизни лица, такъ и онъ самъ при совершеніи означенныхъ убійствъ были убѣждены, что этимъ путемъ души погибшихъ избавятся отъ вѣчныхъ мукъ антихриста и приобрѣтутъ спасеніе свое на вѣки. Они также были убѣждены, что въ качествѣ безпоповцевъ обладаютъ правой вѣрою, божественнымъ преданіемъ и благочестивымъ житіемъ. Такое смѣшеніе крайняго изувѣрства и высокой силы религіознаго настроенія 16 лѣтъ тому назадъ поразили общество своей неожиданностью. Оно напомнило собой времена XVI и XVII вв. съ ихъ многочисленными самоубійствами раскольниковъ, спасавшихся отъ религіозныхъ гоненій. Периодическая печать жадно ловила и опубликовывала отрывочныя свѣдѣнія, доходившія до нея объ этомъ исключительномъ для конца XIX вѣка преступленіи. Появились брошюры, посвященныя этому дѣлу, при чемъ изслѣдователи раскола, также, какъ и психіатры обратили на него особенное вниманіе.

Собиравшійся въ Казани въ 1897 году 3-й всероссійскій мисіонерскій съѣздъ сдѣлалъ попытки опредѣлить, къ какой сектѣ

должны быть отнесены заживо замурованные тираспольскіе изувѣры. Въ этихъ видахъ съѣздъ избралъ особую комиссію, которая однако, за неполнотою данныхъ, не могла придти къ опредѣленному рѣшенію, отдѣльные же представители расколоученія высказали далеко не одинаковыя сужденія. Миссіонеръ Г. Кальневъ склонился къ мысли, что предавшіяся смерти лица принадлежали къ сектѣ странниковъ-бѣгуновъ, ученіе которыхъ они приняли незадолго до своей смерти; профессоръ же Субботинъ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, высказался за то, что они принадлежали къ сектѣ противо-окружниковъ Іосифовцевъ и были въ дѣйствительности не бѣгунами, а „лицованами—метрикоборцами“.

Больше согласія во взглядахъ обнаружили представители психіатріи въ лицѣ проф. Сикорскаго и Бехтерева, признавшіе въ Тираспольскомъ преступленіи проявленія патологическаго свойства. Проф. Сикорскій, исходя изъ этой точки зрѣнія, пришелъ къ грустному заключенію, что люди больные и ненормальные, требовавшіе опеки и попеченій, были лишены ихъ и отданы въ распоряженіе карательной власти. Въ личности Ѳедора Ковалева, закапывавшаго свои жертвы, онъ видитъ человѣка, принадлежащаго къ психопатической семьѣ и обнаруживающаго признаки вырожденія. Не ограничиваясь оцѣнкою обстоятельствъ, сопровождавшихъ данную преступность, насколько они дошли до его свѣдѣнія, онъ обосновываетъ свое сужденіе и на исторической предпосылкѣ, а именно на томъ сходствѣ, которое усматривается между тираспольскимъ преступленіемъ и тѣми, совершавшимися съ религіозной цѣлью, самоожженіями, которыми изобиловало время Царя Алексія Михайловича. Самоистребленія, совершавшіяся въ русскомъ народѣ, не отмѣчены тѣми бытовыми особенностями, которыя обусловливаются историческимъ движеніемъ времени. Эти явленія самоистребленія обнаруживаютъ свою патологическую природу, своею неподвижностью и неизмѣнчивостью неподдающуюся дѣйствию времени¹⁾.

Мы далеки отъ мысли опровергать сложившійся у указанныхъ психіатровъ нашихъ взглядъ на дѣятелей тираспольскаго преступленія, но полагаемъ, что историческаго свойства аргументъ, приве-

¹⁾ Изъ создавшейся литературы по тираспольскому дѣлу укажемъ на труды: *И. Громогласова*: „Тираспольское дѣло“, 1898 г. *Свяц. Н. Выжевскаго*: брошюра 1897—8 г. *Юдина*: „Терновскіе изувѣры и ихъ лжеученіе“. Проф. *Сикорскаго*: „Эпидемическія, вольныя смерти и смертоубійства въ Терновскихъ хуторахъ“ (оно же въ: „Вопросы нервно-психич. медицины“, 1897 г. вып. III). Проф. *Бехтерева*: „Внушеніе и его роль въ общественной жизни“ 1908 г. *Е. Колтовской*: „Терновскій кошмаръ“ 1902 г. *В. В. Розанова* „Темный Ликъ“ 1911 г., стр. 115—224.

денный въ подтвержденіе этого взгляда и заключающійся во внѣшнихъ признакахъ сходства анализируемыхъ явленій, едва-ли можетъ быть признанъ убѣдительнымъ. Намъ, людямъ двадцатаго вѣка, трудно вполнѣ освоиться съ тѣмъ міровоззрѣніемъ, которое сложилось у людей отдаленнаго прошлаго и, вообще, людей, находящихся въ совершенно иныхъ условіяхъ существованія.

Намъ трудно понять того Василя Волосатаго, который въ 1681 г. „дважды посылалъ своихъ сообщниковъ бросать съ колокольни Ивана Великаго на смущеніе народа „воровскія письма“, не стѣсняясь безуміемъ такого поступка. Для насъ тѣмъ болѣе совершенно непонятно психическое состояніе тѣхъ, находящихся въ дикомъ состояніи идолопоклонниковъ, которые, за неисполненіе ихъ моленій, бьютъ своего идола. Душевное состояніе тираспольскихъ дѣятелей—продуктъ сложнаго чувства, разобраться въ которомъ, при помощи однихъ психіатрическихъ методовъ изслѣдованія, едва-ли возможно. Здѣсь мы встрѣчаемся съ психологической задачей, для разрѣшенія которой приходится становиться на разнообразныя точки зрѣнія и во всякомъ случаѣ имѣть въ своемъ распоряженіи обильный, фактическій матеріалъ.

Психологъ Джемсъ ¹⁾ упрекаетъ медицинскій матеріализмъ въ томъ, что онъ имѣетъ слабость сводить на ничто значеніе духовнаго начала. Психологъ этотъ полагаетъ, что изъ-за патологическаго свойства духовнаго явленія не слѣдуетъ упускать изъ виду жизненную правду его. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что для уразумѣнія психологическаго и соціальнаго значенія дѣйствій тираспольскихъ изуверовъ, до сихъ поръ не имѣются въ распоряженіи изслѣдователей всѣ необходимые для этого данныя. Оцѣнка различныхъ сторонъ тираспольскаго преступленія производима была въ печати на основаніи отрывочныхъ данныхъ, появившихся въ газетахъ, и проф. Сикорскому, для того чтобы найти необходимый для него матеріалъ, пришлось лично отправляться на мѣсто совершенія преступленія и производить дознаніе путемъ непосредственнаго сношенія съ лицами, знакомыми съ обстановкой, при которой совершилось это преступленіе, а также съ лицомъ, закапывавшимъ жертвы преступленія—съ Ѳедоромъ Ковалевымъ. Какъ ни цѣнны могутъ быть данныя, добытыя этимъ способомъ, едва-ли они въ состояніи замѣнить ту всесторонность и относительную достовѣрность фактическихъ данныхъ, которыя добываются посредствомъ судебного изслѣдованія, при помощи судебныхъ средствъ дѣйствія, наиболѣе гарантирующихъ, по взглядамъ закона, обнаруженіе матеріальной

¹⁾ Джемсъ: „Многообразіе религіознаго опыта“, стр. 10. 11 и др 1910 г.

истины. Между тѣмъ настоящее дѣло ограничилось производствомъ предварительнаго слѣдствія и не разсматривалось на судѣ, при условіяхъ гласности и состязательной дѣятельности сторонъ. Мѣщанинъ Федоръ Ковалевъ былъ привлеченъ судебнымъ слѣдователемъ по обвиненію въ совершеніи заранѣе обдуманнаго убійства подъ вліяніемъ религіознаго изуверства (по ст. 203 Улож. о Нак., нынѣ отмѣненной). По окончаніи предварительнаго слѣдствія, по Высочайшему повелѣнію, 31 декабря 1897 г. состоявшемуся, дѣло это производствомъ прекращено съ отдачею Ковалева безсрочно въ одинъ изъ православныхъ монастырей, по усмотрѣнію духовнаго начальства¹⁾.

Такимъ образомъ, тираспольское дѣло миновало судебное слѣдствіе въ окружномъ судѣ и не дошло до суда присяжныхъ заседателей, лишившись черезъ это одного изъ серьезныхъ источниковъ къ его уразумѣнію.

Пишущему настоящія строки пришлось, съ Высочайшаго соизволенія 7 мая 1897 г., быть командированнымъ въ качествѣ оберъ-прокурора уголовного кассац. департамента Правит. Сената для наблюденія за судебнымъ производствомъ этого дѣла и для ознакомленія вообще съ условіями, создавшими данную, необычайную преступность.

Для использованія всего судебного матеріала, собраннаго предварительнымъ слѣдствіемъ по этому дѣлу, пришлось бы опубликовать слишкомъ объемистыя данныя. Въ виду этого и архивнаго нынѣ значенія предварительнаго слѣдствія, производившагося о Федорѣ Ковалевѣ, казалось бы небезынтереснымъ оглашеніе хотя нѣкоторыхъ деталей, относящихся до него, но деталей, заслуживающихъ довѣрія, какъ оформленныхъ протоколами предварительнаго слѣдствія. Въ этихъ скромныхъ размѣрахъ дѣлаемъ мы изъ подлиннаго дѣла нижеизложенныя извлеченія, сопровождая ихъ иногда личными воспоминаніями, пережитыми нами. Среди оглашаемаго матеріала имѣютъ, казалось бы, особое значеніе показанія совершившаго преступленіе—Федора Ковалева. На немъ отразила полностью свое дѣйствіе та атмосфера, которая сложилась въ Тираспольскихъ плавняхъ и привела къ человѣческимъ жертвамъ. Ему знакомы были всѣ тѣ, кто сложилъ свои кости въ этихъ Плавняхъ, знакомы были и тѣ условія, при которыхъ создавалось совершившееся. То обстоятельство, что онъ, въ качествѣ обвиняемаго по дѣлу, является заинтересованнымъ въ процессѣ лицомъ—едва-ли нынѣ подрываетъ до-

¹⁾ 19 января 1898 г. Св. Синодъ опредѣлилъ: заключить Ковалева въ Суздальскій, Спасо-Ефимьевскій монастырь.

стовѣрность его показаній. До тѣхъ поръ, пока на немъ тяготѣла глѣтва, взятая съ него лже-монахиней Виталіей—главный центръ, вокругъ котораго сосредоточивалась Тираспольская эпопея—Федоръ Ковалевъ оставался вѣренъ ей и, скрывая истину, давалъ лживыя судебному слѣдователю показанія относительно нахождения исчезнувшихъ изъ Плавень лицъ, въ дѣйствительности имъ похороненныхъ. Но какъ только стали обнаруживаться трупы несчастныхъ, Ковалевъ сталъ давать показанія, соотвѣтствующія дѣйствительности, разъ дальнѣйшее поддержаніе все отрицавшей лжи представлялось безцѣльнымъ. Прошло навѣянное на него, Ф. Ковалева, погибшею Виталією одурманеніе, и онъ сталъ обнаруживать временно утраченную способность волеизъявленія, сталъ давать цѣнныя для правосудія показанія, въ значительной степени освѣтившія непроницаемую тьму невѣжества, окружавшаго преступленіе. Особенно цѣнны его показанія для уразумѣнія внутренняго значенія обстоятельствъ, создавшихъ данную преступность. Хотя личность Федора Ковалева на лицъ, впервые познакомившихся съ нимъ при производствѣ предварительнаго слѣдствія, производила впечатлѣніе человека тупого, но такое свойство его личности не подрывало довѣрія къ его объясненіямъ. Хотя онъ и не устоялъ противъ силы вліянія, произведеннаго на него Виталією, и не мудрствуя лукаво, отдался полностью подъ господство религіозной идеи объ антихристѣ, навѣянной на него этой женщиной, однако, стоило ему только освободиться изъ подъ господства этой роковой для него личности, для того, чтобы пріобрѣсти прежнюю свободу дѣйствій и установить равновѣсіе своихъ психическихъ силъ. Въ камерѣ судебного слѣдователя онъ съ совершеннымъ спокойствіемъ и, можно сказать, полнымъ индифферентизмомъ бралъ въ руки, рассматривалъ и давалъ потомъ объясненія въ отношеніи предъявленныхъ ему слѣдователемъ предметовъ, извлеченныхъ изъ могилъ загубленныхъ имъ людей, имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ трагическимъ моментамъ жизни его и еще недавно самыхъ близкихъ, общавшихся съ нимъ.

Религіозное изувѣрство, проявившееся въ Тираспольскомъ преступленіи, было продуктомъ двоякаго рода причинъ, создавшихъ его. Одни изъ нихъ относятся къ причинамъ внѣшнимъ, лежавшимъ внѣ воли и зависимости отъ участниковъ этого преступленія; другіе же—наоборотъ—коренились въ личныхъ свойствахъ дѣятелей и внѣ оцѣнки этихъ свойствъ не могутъ быть поняты.

Въ ряду первой группы причинъ приходится искать причинъ, заключавшихся въ условіяхъ мѣста и времени совершенія этого преступленія.

Мѣстность, въ которой совершилось преступленіе, характери-

зуется двумя признаками. Съ одной стороны, эта мѣстность богато одаренная природою въ климатическомъ и почвенномъ отношеніяхъ, а поэтому благопріятная для широкаго развитія жизни, въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Съ другой же стороны она находится какъ бы въ сторонѣ отъ движеній исторической жизни и давала возможность издавна жившему здѣсь раскольничьему населенію не подвергаться дѣйствию выдвигаемыхъ временемъ соціальныхъ проблемъ и не испытывать на себѣ развитія создаваемыхъ ими мыслей и чувствъ. Заботы о себѣ и о спасеніи своей души составляли главный импульсъ къ развитію того индивидуализма, на которомъ обосновывалось существованіе многихъ обитателей этого изолированно стоявшаго мѣста.

Изъ составленнаго судебнымъ слѣдователемъ протокола осмотра мѣстности, между прочимъ, видно, что на юго-западъ отъ города Тирасполя, верстахъ въ пяти отъ послѣдняго, на берегу рѣки Днѣстра, среди заводей, образовавшихся отъ весенняго разлива рѣки, находится довольно большая слобода Тырновка. Дорога въ эту слободу изъ гор. Тирасполя идетъ по ровной и открытой мѣстности, среди полей и огородовъ, послѣ чего, на разстояніи около версты отъ слободы Тырновка, дорога поворачиваетъ въ особую своеобразную мѣстность, называемую Тырновскими плавнями, и идетъ по такой мѣстности приблизительно около одной версты. Все это пространство густо заросло высокими кустарниками, большими дикими деревьями, а частью засажено садами и изрѣдка виноградниками и представляетъ собой довольно глухую мѣстность. Среди деревьевъ и садовъ расположены отдѣльныя усадьбы, находящіяся въ значительномъ разстояніи другъ отъ друга, скрываясь деревьями и кустарниками, такъ что присутствіе жилого помѣщенія можно замѣтить, лишь приблизившись къ нему на очень близкое разстояніе. Поэтому вся эта мѣстность представляется на первый взглядъ довольно густымъ лѣсомъ, съ разбросанными среди него отдѣльными хуторами. Вся эта мѣстность весной покрывается водою отъ разлива Днѣстра. Здѣсь, въ этой мѣстности жили съ ихъ предками большая часть участниковъ тираспольской эпопеи.

Дополнимъ съ своей стороны протоколъ указаніемъ, что Плавни тѣ лежатъ на берегу Днѣстра, въ мѣстности, отличающейся исключительнымъ плодородіемъ, благодаря весеннимъ разливамъ этой рѣки, несущей весной насыщенную черноземомъ воду на свои берега. Особенно благопріятныя условія создаются здѣсь черезъ это для культуры садовъ, посылающихъ на центральные рынки замѣчательные фрукты ¹⁾. Если къ этому прибавить красоту садовъ

¹⁾ Участокъ Федора Ковалева въ 20 десятинъ цѣнился въ ту пору около 20,000 рублей.

южной природы и южный климатъ, то нельзя будетъ не признать, что не для торжества смерти, а для широкаго развитія жизни, создана эта мѣстность. Очевидно, что для уразумѣнія происхожденія совершившагося здѣсь въ самомъ концѣ XIX вѣка изувѣрства, приходится обращаться отъ природныхъ условій существованія людей въ той мѣстности къ условіямъ историческаго ихъ существованія, вліявшимъ на соціальную обстановку ихъ жизни.

Въ этомъ отношеніи приходится прежде всего обратить вниманіе на то, что населеніе Плавень было издавна раскольничьимъ. По словамъ Федора Ковалева, прадѣдъ его, Блохинъ, равно какъ дѣдъ и отецъ Ковалевы, исповѣдывали „древле христіанскую вѣру“ и въ той же вѣрѣ воспитывали дѣтей, признавая церковь и священнослужителей. По дѣлу можно заключить, что они принадлежали до послѣдняго времени къ старообрядчеству поповщинскаго толка, приѣмлющему австрійское или бѣлокриницкое священство. Въ семьѣ Ковалевыхъ была однако одна реликвія, которая даетъ основаніе къ заключенію, что были въ прошломъ моменты, когда родъ Ковалевыхъ измѣнялъ поповщинскому толку и переходилъ въ безпоповство. Мы говоримъ о чашѣ для причастія, которая была впоследствии обнаружена при закопаншейся Виталии и которая „хранилась замурованной въ стѣнѣ и не употреблялась, пока признавали священство и принимали отъ поповъ Св. Тайны“. Только за послѣдніе два года, со времени прибытія въ Плавни лже-монахини Виталии, многіе изъ обитателей этой мѣстности стали измѣнять своимъ религіознымъ убѣжденіямъ и переходить вновь въ толкъ безпоповцевъ, все болѣе приближаясь къ крайней, по своимъ убѣжденіямъ, безпоповской ереси, а именно къ такъ называемому бѣгунству. Внѣшними признаками этого послѣдняго лжеученія служатъ, какъ извѣстно, нехождение въ церковь, отказъ отъ совмѣстной изъ одной посуды ѣды и питья, съ лицами, принадлежащими къ поповщинскому толку, рѣзкое обособленіе и отчужденіе отъ лицъ, не раздѣляющихъ ихъ заблужденій, и нѣкоторые другіе внѣшніе признаки, какъ, напримѣръ, отрицательное отношеніе къ спичкамъ и деньгамъ, употребленіе условныхъ выраженій въ своей рѣчи и т. п. Всѣ эти признаки въ болѣе или менѣе опредѣленной формѣ стали проявляться за послѣдніе годы въ обиходѣ плавнинскихъ жителей со времени прибытія къ нимъ Виталии. Такое прошлое жителей Плавней свидѣтельствуетъ о невозможности проведенія полной аналогіи между Тираспольскимъ преступленіемъ и тѣми проявленіями изувѣрства, которыя въ XVII вѣкѣ проявляли религіозные фанатики „старолюбцы“, насильственно прекращая свое существованіе въ устраиваемыхъ ими „морильняхъ“, „гаряхъ“ и въ другихъ формахъ

мучительной смерти. Въ ту, отдаленную пору религіозной нетерпимости, власти дѣйствовали агрессивно, задаваясь цѣлью лицъ, упорствующихъ въ заблужденіяхъ, подвергать жестокимъ „градскимъ казненіямъ“. Религіозному изувѣру въ сущности предлагалось тогда на выборъ—или идти на казнь, устраиваемую имъ властью, или самому, посредствомъ огня, голода или потопленія, накладывать руку на свое брвенное существованіе. Ничего подобнаго Тираспольскіе раскольники предъ собою не видѣли. Органы мѣстной власти вполнѣ удовлетворялись условіями ихъ мирнаго и уклонявшагося отъ общей жизни существованія. Въ дѣлѣ, правда, имѣется указаніе на то, что дѣлались попытки къ усиленію народнаго образованія въ этомъ забытомъ углу, но эти мирные приемы воздѣйствія не достигали намѣченной цѣли и были чужды насилія. Изъ сообщенныхъ попечителемъ Одесскаго округа свѣдѣній видно, что на предложеніе ассигновать суммы на открытіе училищъ, мѣстныя раскольничьи общества отвѣчали отказомъ, ссылаясь на недостатокъ средствъ; когда же мѣстная инспекція училищъ сдѣлала попытку открытія такового „въ селѣ Плоскомъ“, то общество составило приговоръ (15 августа 1895 г.), въ которомъ заявило: „мы люди бѣдные, большею частью находимся на постороннихъ заработкахъ, а подростки съ хозяйками несутъ домашнія работы, почему и не можемъ посылать ихъ въ училище, а потому и находимъ училища намъ совершенно не нужны“.

Когда, по поводу народной переписи, власти потребовали заявленія жителей Плавень о своей самоличности, то, встрѣтивъ отказъ, возбудили, какъ увидимъ далѣе, уголовное преслѣдованіе противъ уклоняющихся, по обвиненію ихъ въ бродяжествѣ, и заключили ихъ подъ стражу, но затѣмъ черезъ нѣсколько дней освободили заключенныхъ, въ виду возникшихъ опасеній, что заключенные сектанты изморятъ себя голодомъ. Это лишеніе свободы, во всякомъ случаѣ, не имѣло ничего общаго съ преслѣдованіемъ этихъ лицъ за религіозныя убѣжденія.

Такимъ образомъ, не во внѣшнихъ условіяхъ существованія жителей Плавень надо искать объясненій Тираспольскаго преступленія. Причина его главнымъ образомъ коренится въ личныхъ свойствахъ погибшихъ изувѣровъ и въ душевномъ ихъ настроеніи, сложившемся подъ вліяніемъ общихъ условій жизни, доведшемъ ихъ до рокового конца.

Въ ряду личностей, вложившихся въ это преступленіе и сдѣлавшихся жертвою его, главная роль выпадаетъ, какъ мы сказали уже, на прибывшую со стороны въ Плавни, за шесть лѣтъ до преступленія, лжемонахиню Виталію. Можно съ увѣренностью сказать,

что, не будь ея въ Плавняхъ и не развей она въ нихъ своего религіознаго усердія, Плавни и понынѣ оставались бы однимъ изъ самыхъ скромныхъ и никому невѣдомыхъ, забытыхъ уголковъ Россіи.

Остановливаясь поэтому, прежде всего, на использованіи того слѣдственнаго матеріала, который имѣется въ дѣлѣ для характеристики личности Виталіи и уразумѣнія совершеннаго ею дѣла, приходится отмѣтить, что на основаніи этого матеріала личность ея рисуется въ вполне ясныхъ очертаніяхъ, равно какъ и созданное преступленіе. Изъ отдѣльныхъ штриховъ, выясненныхъ слѣдственной властью, обликъ Виталіи рисуется какъ живой, съ ея убѣжденіемъ въ мимолетномъ значеніи настоящаго, съ ея чуть не буддійскимъ отреченіемъ отъ земныхъ интересовъ, съ ея стремленіемъ найти путь для спасенія души своей и ближнихъ отъ власти воцарившагося на землѣ антихриста, съ ея упрочившеюся въ ней рѣшимостью отречься отъ міра чрезъ самоуничтоженіе. Созданный ею въ Плавняхъ скитъ былъ построенъ на строго аскетическихъ началахъ жизни, и сохранившіеся до насъ отдѣльные признаки его жизни даютъ намъ возможность представить себѣ наше отдаленное историческое прошлое и понять, какъ складывались и какъ существовали тѣ религіозныя ячейки, которыя воплощали въ себя монашескую жизнь нашихъ предковъ. Тѣ поученія, которыя давала въ скитѣ монахиня Виталія, въ качествѣ „евангельской матери“, посвященнымъ ею въ монашество жителямъ скита, вполне совпадаютъ съ тѣми изреченіями, которыя сохранили намъ памятники христіанскаго подвижничества древне-русской церкви. Она подобно Петру Черноризцу могла бы сказать и въ дѣствительности говорила только другими словами: „Мертва есть жизнь сія и тяжка, Божья же служба и работа легка и сладка“. Подобно чтимымъ Церковью мученицамъ она воодушевлена была убѣжденіемъ, что „окаянный Сихемъ, міръ сей, ничто ино вѣсть, токмо вредити прилѣпляющихся ему... Блаженъ бѣгаяй міра, да не осквернитя нечистотами его!“¹⁾

Сущность свидѣтельскихъ показаній въ отношеніи прошлаго Виталіи не даетъ обильныхъ данныхъ въ отношеніи равныхъ годовъ ея жизни. Извѣстно только, что она принадлежала къ семьѣ херсонскихъ мѣщанъ Макѣевыхъ, занимавшихся торговлею. Семнадцати лѣтъ отъ роду бѣжала она изъ-подъ вѣнца съ нелюбимымъ человѣкомъ, за котораго хотѣли ее выдать ея родители, и

¹⁾ В. Кожеевниковъ: О значеніи христ. подвижничества въ прошломъ и настоящемъ. Ч. II, стр. 16.

поступила въ Куреневскій монастырь въ Ольгопольскомъ уѣздѣ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія тамъ она, какъ то выяснено было полицейскимъ дознаніемъ, не вполне однако подтвержденнымъ въ этомъ отношеніи показаніями свидѣтелей, какъ, напримѣръ, показаніемъ Анастасіи Родивонцевой, была оттуда изгнана, вслѣдствіе произведеннаго ею между лже-монахинями раскола. По показаніямъ брата Виталія Луки Макѣева, сестра его Вѣра, т. е. Виталія, еще въ раннемъ дѣтствѣ, выдѣлялась между другими; любила читать священныя книги и была въ нихъ очень начитана; а 12-ти лѣтъ мечтала о монастырѣ — „такая уже она уродилась“, объяснилъ свидѣтель. За нею, года черезъ три-четыре, въ тотъ же монастырь поступила ея мать, „очень любившая Вѣру; мать была больная и вскорѣ въ монастырѣ умерла“. Изъ этого монастыря лѣтъ десять-двѣнадцать тому назадъ ¹⁾ Виталія переехала въ Терновскія плавни, въ усадьбу Александры Ковалевой. На короткое время, проѣздомъ въ Херсонъ, заѣзжала она къ сестрѣ Татьянѣ и уже тогда привозила свою собственную пищу и даже воду и „съ нами (родными) не сообщалась“. Она была „весьма неразговорчива и отъ нея ничего нельзя было добиться“. Только со времени переезда Виталія въ Плавни, въ усадьбу Александры Ковалевой, фактическія данныя относительно Виталія представляются обильными и даютъ явственное представленіе о томъ, что такое была Виталія, куда направлялось ея религіозное настроеніе и къ чему оно привело ее. Перекочевала она изъ монастыря въ Плавни не одна, а въ сопровожденіи нѣсколькихъ, такихъ же, какъ она, монахинь, изъ которыхъ нѣкоторыя умерли въ Плавняхъ естественною смертію, другія же оказались заживо погребенными Ѳедоромъ Ковалевымъ (показ. А. Родивонцевой).

Прибытіе Виталія въ Плавни оказало громадное вліяніе на всю дальнѣйшую жизнь ихъ обитателей и въ частности на семью Ковалевыхъ, пріютившихъ Виталію и ея сподвижницъ. Въ дѣлѣ имѣются обильныя данныя о силѣ ея вліянія, недопускавшаго возможности сопротивленія ему. Кто ближе стоялъ къ Виталіи, тотъ въ большей мѣрѣ и испытывалъ оказываемое ею психическое давленіе, и семья Ковалевыхъ, съ образовавшимися изъ нея семьями, должна была съ неизбѣжностью подвергнуться роковому дѣйствию ея духовной силы. Причины этого явленія кроются главнымъ образомъ въ личныхъ свойствахъ Виталія. Собранный по дѣлу матеріалъ, какъ то видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія, даетъ

¹⁾ Опредѣляя время, свидѣтели сопоставляли его съ моментомъ совершенія преступленія.

основаніе къ заключенію, что она приобрѣла господство надъ окружающими ее здѣсь людьми безупречною ея поведеніемъ, непоколебимой преданностью религіозной идеѣ, большими знаніями многихъ источниковъ богословской литературы и такой діалектикой, поборою которую не въ силахъ были обитатели Плавень, лишеныя образованія и даже въ большинствѣ своихъ представителей безграмотныя. Молитва, постъ и послушаніе, въ связи съ отрѣшенностью отъ міра, составляютъ символы, характеризующіе монашескую жизнь. Вѣрная аскетическому идеалу, Виталія дала имъ широкое развитіе въ жизни созданнаго ею скита. Уединенность послѣдняго и обособленность отъ личной и общественной жизни обитателей Плавень, не входившихъ въ составъ скита, сказывались во многомъ. Если, какъ мы видѣли, старообрядческое населеніе Плавень чуждалось всякаго общенія съ православными и энергично протестовало противъ попытокъ мѣстной власти расширить въ Плавняхъ школы, то еще въ бѣльшей степени отрицательное, можно сказать, враждебное, отношеніе ко всему, стоящему за предѣлами скита, получало особенно рѣзкія очертанія въ жизни послѣдняго. Это отрицательное отношеніе ко всѣмъ иначе мыслящимъ о Богѣ особенно явственно обнаружилось на почвѣ племенныхъ и религіозныхъ различій. Старообрядческій священникъ въ городѣ Тирасполѣ, Григорій Рудаковъ, дѣлалъ попытки убѣдить семью Ковалевыхъ, на основаніи священныхъ книгъ, что они ошибаются, что священство не прекратится до кончины міра, и просилъ живущихъ съ Ковалевыми по сосѣдству передать имъ, что хотѣлъ бы съ ними побесѣдовать и къ нимъ пріѣхать. Ему передали, однако, что Ковалева и ея родичи не хотятъ, чтобы онъ къ нимъ пріѣзжалъ, и что они его къ себѣ не пустятъ. Очевидно, что въ скитѣ Ковалевыхъ господствовалъ тотъ же духъ фанатизма, который побуждалъ издавна раскольниковъ давать всѣмъ единомышленникамъ въ руководство совѣтъ: „бѣги отъ еретика и не говори ему ничего о правовѣрїи; только плюй на него“.

Особенно рѣзко проявлялось недружелюбіе Виталіи и ея сподвижниковъ къ обитателямъ Плавень еврейскаго происхожденія. „Я живу почти рядомъ съ усадьбой Назара Өомина (въ Плавняхъ), показала Люба Литвакъ (гдѣ были найдены зарытыми 9 труповъ), рядомъ же съ Өоминымъ жила Александра Ковалева. Она принадлежала, насколько я, говоритъ свидѣтельница, могла судить, къ старообрядцамъ и терпѣть не могла насъ, евреевъ. Она не имѣла съ нами никакого общенія, и даже покупать у насъ, евреевъ, ничего не хотѣла. Въ виду того, что они такъ ненавидѣли насъ и не имѣли никакого общенія съ нами, я, несмотря на то, что десять

лѣтъ прожила около нихъ, совершенно ничего не знаю о ихъ жизни, а тѣмъ болѣе о томъ, во что они вѣровали и чему поклонялись. Да съ нами, евреями, она и говорить бы не стала о своей вѣрѣ; она даже не брала воды изъ того колодца, которымъ пользовались мы, евреи, такъ они насъ ненавидѣли и ненавидятъ. Александру Ковалеву я иногда видѣла, когда она ходила мимо моего сада къ своей дочери Горзиной, но со мной она никогда не заговаривала, такъ какъ считала это для себя унижительнымъ“.

Не менѣе краснорѣчиво о томъ же показалъ свидѣтель Берко Литвакъ.

Если отъ внѣшнихъ признаковъ, характеризующихъ жизнь скита Ковалевыхъ, обратиться къ разсмотрѣнію его внутренней жизни, то легко усмотрѣть въ ней признаки строго подвижническаго существованія. Объ этомъ свидѣтельствовала прежде всего внутренняя организація зданій, въ которыхъ проживали ихъ обитатели. Все приурочено здѣсь было для того, чтобы отрѣшиться отъ внѣшняго міра и, проводя жизнь въ постѣ и молитвѣ, поддаться религіозному настроенію. Такъ какъ не отъ однихъ только обитателей скита зависѣло порвать всѣ связи съ внѣшнимъ міромъ, и этотъ міръ, когда-нибудь, въ лицѣ частныхъ лицъ или носителей власти, могъ дѣлать попытки общенія съ ними, то необходимость отстраненія этихъ попытокъ заставляла устраивать въ зданіи тайники, въ которые можно было бы въ этихъ случаяхъ удаляться, спасаясь отъ любопытствующихъ. Достаточно привести для примѣра одинъ изъ протоколовъ осмотра зданій, въ которыхъ помѣщались сподвижники для того, чтобы видѣть, какъ велика была у обитателей скита потребность уединенія отъ всего міра. По дополнительному осмотру скита въ усадьбѣ Ковалевой, составленному судебнымъ слѣдователемъ, оказалось: 1) При входѣ въ зданіе скита изъ коридора одна дверь налѣво ведетъ въ общую молельню, а другая дверь, находящаяся напротивъ входной двери, наружной, ведетъ въ темный чуланъ. На правой стѣнѣ этого чулана имѣется окошечко, заслоненное дверкой; это отверстіе имѣетъ въ вышину четырнадцать вершковъ, а въ ширину $10\frac{1}{2}$ вершковъ; ведетъ оно въ тайникъ, имѣющій въ длину шесть аршинъ, въ ширину одинъ аршинъ съ четвертью, высота его три аршина; окошечко это находится отъ пола на вышинѣ трехъ вершковъ. 2) Въ келіи Федора Ковалева, при входѣ въ сѣни, направо имѣется дверь въ келію и прямо другая дверь въ другую келію; въ этой послѣдней келіи имѣется дверка въ тайникъ; высота этой дверки одинъ аршинъ четыре вершка, а ширина одиннадцать вершковъ, длина тайника три аршина, столько же онъ имѣетъ въ высоту, ширина же его одинъ

аршинъ и три вершка. Выходовъ изъ описанныхъ тайниковъ прямо на дворъ не имѣется; оконъ также не имѣется.

Не осложняя изложеніе приведеніемъ другихъ слѣдственныхъ протоколовъ осмотровъ, ограничимся указаніемъ на тѣ соображенія, которыя высказаны были экспертизой по этому предмету на основаніи, главнымъ образомъ, этихъ протоколовъ и показаній Ѳедора Ковалева.

По заключенію экспертовъ общая моленная или, что то же, келія Виталии была устроена такъ, что выходы изъ нея въ прилегающія комнаты маскировались двойными стѣнами, представлявшими собою два небольшихъ корридорчика, совершенно незамѣтные для человѣка, незнакомаго съ расположеніемъ помѣщенія. Эти корридорчики соединяли моленную ст. другими келіями, а эти послѣднія, въ свою очередь, имѣли сообщеніе съ слѣдующими и т. д. Достаточно было постучать кулакомъ въ стѣну, и живущій въ сосѣдней келіи зналъ, что пора собираться на молитву. Кромѣ того, по указанію Виталии, Ѳ. Ковалевъ устроилъ два „тайничка“. Тайничекъ — это крошечная комнатка, въ которую ведетъ не менѣе крошечная дверь, величиною въ $\frac{3}{4}$ квадратнаго аршина. Въ одной такой комнаткѣ, точнѣе въ ящикѣ, во всю вышину мазанки могло помѣститься 5—7 душъ, а въ другой 10 душъ. Скитяне прятались туда при всякомъ посѣщеніи усадьбы Ковалевыхъ подозрительными (съ ихъ точки зрѣнія, конечно) гостями, въ особенности же полиціей. „Какъ слышать колокольчикъ, такъ сейчасъ и прячутся“, — объясняетъ Ковалевъ, — „для этого и законурки были подѣланы. Достаточно было повѣсить на гвоздѣ одежду надъ „тайникомъ“ и никому въ голову не придетъ, что тамъ ходъ есть“. Къ подробностямъ, не лишеннымъ значенія при описаніи келіи плавнинскихъ скитянь, нужно отнести также — и то, что во всѣхъ помѣщеніяхъ на верхнемъ косякѣ входной двери и оконъ, были прибиты небольшія полоски бумаги, на которыхъ значилась такая надпись: „Христось съ нами уставмя вчера и днесъ той же во вѣки“. Такая надпись сдѣлана была, по приказанію Виталии, и надъ дверями А. Ковалевой.

Уединивъ своихъ сподвижниковъ и обособивъ ихъ отъ всего міра, Виталия всѣми имѣвшимися въ ея распоряженіи средствами стремилась къ подчиненію себѣ обитателей скита, путемъ развитія дисциплины и вселенія въ нихъ убѣжденія, что слово ея истинно, и что не преклоняться предъ нимъ невозможно. Особенно явственно выразилась, на первыхъ же порахъ, сила вліянія Виталии на матери Ѳедора Ковалева — Александрѣ Ковалевой. По словамъ Ѳедора Ковалева „въ первые годы своего пребыванія у насъ въ

усадьбѣ Виталія не ограничивалась тѣмъ, что молилась у себя въ келіи; хотя изрѣдка, но она посѣщала старообрядческую церковь въ Тирасполѣ или Бендерахъ, главнымъ образомъ, въ Бендерахъ. Но послѣднія лѣтъ пять она совсѣмъ перестала посѣщать церковь. Что побудило ее оставить церковь, дальность ли разстоянія или иныя какія-либо соображенія, я съ точностью сказать не могу, но судя по тѣмъ бесѣдамъ, которыя она вела съ моею матерью, я думаю, что она перестала ходить въ церковь въ силу измѣнившихся взглядовъ на нее и на ея служителей. Какъ потому, что мать моя была женщина набожная, такъ и потому, что съ теченіемъ времени она сближалась съ Виталіей все больше и больше, она очень часто заходила къ Виталіи и вступала съ нею въ религіозныя бесѣды, и вотъ во время этихъ бесѣдъ, Виталія стала ее убѣждать, что церковь и священнослужители не нужны вовсе, что человѣкъ самъ себѣ церковь, что въ церквахъ приходится сталкиваться съ солдатами, которые ведутъ знакомство съ жидами, армянами и другими людьми и ѣдятъ съ ними по трактирамъ и инымъ мѣстамъ, что нѣсколько лѣтъ назадъ одинъ епископъ изъ Куриневскаго монастыря близъ Балты, по имени Кириллъ, отрекся было отъ церкви, а затѣмъ опять поступилъ, что этимъ онъ вызвалъ распри въ народѣ и побудилъ многихъ не ходить больше къ нему. Вообще, Виталія проводила ту мысль, что въ церковь нельзя ходить, но съ точностью объяснить вамъ, почему Виталія говорила, что въ церковь нельзя ходить, я не умѣю; я передаю лишь то, что слышалъ отъ матери. Старица Виталія оказывала сильное вліяніе своими поученіями не только на мать, но и на всѣхъ остальныхъ, кто соприкасался съ нею; всѣ ея слушались и всѣ ей подчинялись. Естественно, что и мать подпала подъ ея вліяніе и, вотъ года три или четыре назадъ, мать стала убѣждать меня и другихъ близкихъ себѣ, что по словамъ матушки Виталіи не слѣдуетъ ходить въ церковь и почитать священнослужителей, не слѣдуетъ сближаться съ людьми, которые вращаются въ мірѣ по кабакамъ и трактирамъ, и ѣсть и пить изъ одной посуды съ ними, не слѣдуетъ даже ѣсть ту пищу, которую ѣдятъ такіе люди. Нѣкоторые изъ нихъ согласились съ этимъ, вѣрили, что такъ и слѣдуетъ поступать. Къ числу такихъ относились я, съ женою, семья Оомина, сестра Ульяна и братъ Дмитрій, братъ же Увеналій, Ермолай Горзинъ съ женою и нѣкоторые изъ свойственниковъ, какъ-то Соловьевы и др. напротивъ утверждали, что все это бабская болтовня и „путаница“, выполнять которую не слѣдуетъ. Проникшись совѣтами, преподанными матерью со словъ старицы Виталіи, я съ женою и Оомины перестали ходить въ

церковь и ѣсть изъ той посуды, изъ которой ѣли и пили люди, вращавшіеся въ мірѣ, мало того, мы перестали ѣсть одну пищу съ ними. Поэтому, когда мнѣ, напр., и моей женѣ случалось навѣщать Соловьевыхъ, или когда они прїѣзжали къ намъ, мы ѣли и пили врозь, но дальше этого мы не шли; мы поступали во всемъ остальномъ согласно вѣрѣ и древняго православія; читали тѣ же молитвы и молились такъ же. Независимо бесѣдъ съ матерью, мнѣ приходилось выслушивать тѣ же назиданія и лично отъ старицы Виталіи, но только въ послѣднее время, да и то крайне рѣдко“.

Уединенная жизнь скита не была, однако, абсолютно таковой. Изъ показаній того же Ковалева видно, что „Виталія, примѣрно до послѣднихъ двухъ лѣтъ, временами отлучалась изъ усадьбы иной разъ на недѣли, а иной разъ и на мѣсяцы; куда она отлучалась и за чѣмъ, она намъ не объясняла. Возвращалась она всегда одна. Никакихъ странницъ съ собой она не приводила. Но въ теченіе всего времени пребыванія у насъ Виталіи, къ намъ въ усадьбу приходили многія странницы изъ Тирасполя, изъ Бендеры и изъ другихъ неизвѣстныхъ мнѣ мѣстъ, и всѣ они, съ разрѣшенія моей матери, помѣщались въ свободныхъ келіяхъ, иногда отдѣльно, а иногда и по нѣсколько душъ вмѣстѣ. Были ли между ними знакомыя Виталіи, такія, которыя знали ее раньше, не умѣю вамъ сказать. Иныя изъ нихъ пристраивались у насъ на болѣе и менѣе продолжительное время—на мѣсяцы и годы, а инымъ, которымъ житье у насъ почему-то не понравилось, уходили скоро въ другія мѣста. Всѣ странницы и странники, жившіе у насъ въ усадьбѣ, вели совершенно такой же образъ жизни, какъ и старица Виталія, всѣ они проводили цѣлые дни въ келіяхъ въ молитвѣ; въ работы по хозяйству не вдавались и съ мірянами сталкивались лишь по столку, по скольку это нужно было для религіозныхъ бесѣдъ съ ними, напримѣръ, въ случаяхъ, когда нужно было помолиться за нихъ, или въ случаяхъ, когда являлась надобность въ томъ или другомъ совѣтѣ. Жили они также подаянїями и тою помощью, какую оказывала имъ наша семья“.

„Представительницей всей братіи: странницъ и странниковъ была старица Виталія. Она была женщина грамотная и болѣе другихъ знающая, при томъ она раньше другихъ поселилась у насъ и потому, естественно, всякая вновь прибывающая подпадала подъ ея вліяніе, слушалась ея назиданій и вполне подчинялась ей. Всѣ они проводили время въ молитвѣ, но это не значитъ, что они непрерывно молились; они сами себѣ готовили пищу къ обѣду, а иногда и къ ужину; кромѣ того требовалось время на отдыхъ. Для молитвы

было установлено известное время; днем читались часы, затѣмъ вечеромъ передъ тѣмъ, какъ вечерять, читались каноны и вечерня, предъ сномъ читалась спальная молитва, а въ ночное время, предъ тѣмъ, какъ приходилось вставать, читалось 12 псалмовъ. Кромѣ того, въ разное время дня и ночи приходилось читать нѣкоторымъ изъ нихъ, тѣмъ именно, которые получали отъ кого-либо подаваніе, канонъ за творящихъ милостыню. Наконецъ, существовала еще молитва подъ названіемъ „Неугасимая“. Въ случаѣ, когда въ семьѣ кто-либо умретъ, родственники умершаго давали странникамъ и монашенкамъ, по меньшей мѣрѣ, восемьдесятъ рублей съ тѣмъ, чтобы онѣ молились за умершаго, и онѣ молились по-очереди ежедневно въ теченіе шести недѣль, за исключеніемъ воскресныхъ дней, и такая молитва называлась „неугасимою“. Источникомъ для такой молитвы служилъ псалтырь, и каждая молящаяся, соблюдая свою очередь, должна была молиться 3 часа. Всѣ молитвы, которыя Виталія и странницы читали, какъ въ теченіе дня предъ обѣдомъ, предъ вечеромъ и предъ сномъ, такъ и тѣ, которыя приходилось читать за творящихъ милостыню, совершенно такія же, какъ и у старообрядцевъ древняго православія. „Неугасимая“ тоже существуетъ у послѣднихъ, такъ что въ этомъ отношеніи никакой разницы въ исповѣданіи, коему слѣдовали Виталія и ея сподвижницы, съ нашими старообрядцами я не замѣчалъ. Въ будніе дни каждая странница молилась у себя въ келіи, а если странницъ въ одной келіи было нѣсколько, то онѣ молились сообща. Въ воскресные же дни и въ праздники всѣ странницы собирались на молитву въ келіи Виталіи. Въ этой комнатѣ у стѣны имѣлась доска, на эту доску ставилась икона, у иконы зажигались восковыя свѣчи, и сама Виталія или одна изъ странницъ начинала читать молитвы, а остальные слушали“.

Нѣкоторыя изъ странницъ были женщины совсѣмъ неграмотныя, такія, которыя не умѣли даже читать; эти женщины молились по кожанымъ лестовкамъ (четкамъ). Вся молитва ихъ сходилась лишь къ произношенію слѣдующихъ словъ: „Господи Іисусе Христе сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго“ или „Владычица моя Пресвятая Богородица, помилуй мя грѣшнаго“.

„По произнесеніи тѣхъ или другихъ изъ приведенныхъ словъ слѣдовалъ поклонъ. Такихъ словъ или поклоновъ подлежало произнести и учинить ежедневно тысячу, а дабы не сбиться, то и придуманы были „лестовка“ и „счетка“. Лестовка—это кожанная или полотняная полоска со ста шариками, сшитая концами въ видѣ кольца. По учиненіи cadaго поклона, молящійся передвигаетъ палецъ съ одного шарика на другой и, такимъ образомъ, знаетъ

сколько поклоновъ онъ учинилъ въ каждый данный моментъ. Когда онъ переберетъ сто шариковъ, т.-е. учинить сто поклоновъ, то отмѣчаетъ это на счеткѣ, которая представляетъ собою желобъ съ продольной проволокой, на которой нанизаны десять шариковъ; каждый шарикъ соотвѣтствуетъ одной лестовкѣ, и, такимъ образомъ, десять шариковъ, будучи передвинуты съ одного конца на другой, покажутъ, что учинено тысяча поклоновъ.

В. Случевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

